

ЛОШАДИ И КОЛЕСНИЦЫ В ПЕТРОГЛИФАХ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

Кубарев В. Д.
(г.Новосибирск)

В течение последних десяти полевых сезонов в Баян-Улэгейском аймаке Монголии проводила исследования небольшая экспедиция, нацеленная на изучение древних наскальных рисунков. В реализации международного проекта "Алтай" принимали участие сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН, Института истории АН Монголии и университета штата Орегон (США). Особое внимание было уделено исследованию, огромного по площади, петроглифического комплекса, открытого экспедицией в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур (49° 25' с. ш. - 88° 15' в. д., высота над уровнем моря 2200-2900 м). Эти две высокогорные реки берут свое начало в отрогах, пограничного с Россией, Сайлюгемского хребта и являются северо-западными истоками Кобдо - главной реки Монгольского Алтая. Материалы этого уникального памятника наскального искусства Монгольского Алтая были опубликованы во Франции, в рамках международного издательского проекта "Корпус петроглифов Центральной Азии". Но, к сожалению, коллективная монография была издана малым тиражом, на английском языке и оказалась практически недоступной российским ученым, занимающимся изучением петроглифов Центральной Азии. Тем не менее, книга была замечена российскими археологами (см. Советова О.С., Миклашевич Е.А., 2002), а многие разделы из нее уже опубликованы в различных археологических сборниках в виде отдельных статей и сообщений.

В течение последних десяти полевых сезонов в Баян-Улэгейском аймаке Монголии проводила исследования небольшая экспедиция, нацеленная на изучение древних наскальных рисунков. В реализации международного проекта "Алтай" принимали участие сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН, Института истории АН Монголии и университета штата Орегон (США). Особое внимание было уделено исследованию, огромного по площади, петроглифического комплекса, открытого экспедицией в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур (49° 25' с. ш. - 88° 15' в. д., высота над уровнем моря 2200-2900 м). Эти две высокогорные реки берут свое начало в отрогах, пограничного с Россией, Сайлюгемского хребта и являются северо-западными истоками Кобдо - главной реки Монгольского Алтая. Материалы этого уникального памятника наскального искусства Монгольского Алтая были опубликованы во Франции, в рамках международного издательского проекта "Корпус петроглифов Центральной Азии". Но, к сожалению, коллективная монография была издана малым тиражом, на английском языке и оказалась практически недоступной российским ученым, занимающимся изучением петроглифов Центральной Азии. Тем не менее, книга была замечена российскими археологами (см. Советова О.С., Миклашевич Е.А., 2002), а многие разделы из нее уже опубликованы в различных археологических сборниках в виде отдельных статей и сообщений.

Общее число изображений лошадей в исследованном нами комплексе необычайно велико, а образ лошади (коня) по значимости, несомненно, стоял в одном ряду с оленем, быком и козлом. Рисунки лошадей в нашей коллекции разнообразны по стилю, технике исполнения и конечно принадлежат к разным эпохам. Отдельные фигуры выполнены небрежно и сильно стилизованы. Подобные изображения (с короткой шеей, большой тяжелой головой, длинными ушами и коротким хвостом) могут трактоваться, например, как куланы (*Equus hemionus*), или даже как рисунки лосей-лосих (табл. I - 2; табл. II - 1, 3, 17, 18; табл. III - 10-12). В расположении рисунков лошадей на каменной плоскости, заметна тенденция, группировать рисунки в виде небольшого табуна, а также их концентрация в одном определенном месте древнего святилища. Одно такое скопление

рисунков лошадей находится у слияния рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур. Они нанесены, на сглаженных ледником, скальных выходах левого берега р. Цагаан-Салаа. Судя по контурной технике нанесения рисунков, экстерьеру и отсутствию в сценах человека, они могут быть определены как изображения диких степных лошадей. Учитывая близость рисунков к воде, открытой нами неолитической стоянке и древней кочевой тропе, действующей и в наше время, следует определить их как самые древнейшие, может быть относящиеся к эпохе неолита-энеолита (см. табл. I - 1, 2, 10-14, 17). Да и многие другие реалистические или эскизные изображения лошадей, наверное, также датируются архаической порой, особенно те, что, выполнены в контурной технике и имеют относительно большие размеры. Их туловища нередко разделены горизонтальными, вертикальными линиями (прямыми и извилистыми), иногда образующими фигуры прямоугольной или треугольной формы (см. табл. I - 10, 12, 14, 15, 20-22). К эпохе ранней, развитой или средней бронзы, на наш взгляд, могут быть отнесены крупные реалистические рисунки лошадей, выполненные сочетанием двух приемов выбивки: контурной (туловище) и сплошной (голова и ноги) (табл. I - 6, 7, 11, 16, 17, 18; табл. II - 3, 5, 6; табл. III - 1, 2 и др.), а также силуэтные фигуры, сплошь выбитые по всему изображению (табл. II - 2, 4, 7-18; табл. III - 3-13; табл. IV - 1-9, 11; табл. IV - 1-10; табл. V - 1-12, 15, 18, 22).

В петроглифах ЦС/БО эпохи ранней бронзы дикие лошади достаточно часто находятся рядом с изображениями диких быков (как правило, в сценах охоты на них), тогда как прирученные и обвезженные лошади чрезвычайно редко изображались вместе с одомашненными быками (Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D., fig. 1003, 1286). В первой сцене лошадь (табл. V - 3) привязана к поводу быка, во второй фигурка лошади (табл. V - 22) привязана к хвосту вьючного быка, идущего в небольшом караване. На ее крупе или почти над хвостом нанесены две вертикальные, перекрещенные внизу, линии с отходящими в одну сторону, короткими поперечными черточками. Аналогичные предметы мы уже рассматривали, условно назвав их “штандартами” (Кубарев В.Д., 2002, рис. 1, с, т). Они формально напоминают “косой крест” - главный символ окуневско-каракольского искусства, сопровождающий рисунки различных мифических персонажей. Точно такие же фигуры или знаки выполнены над крупами, впереди идущих быков, датируемых эпохой ранней бронзы. Возможно, это были рисунки первых domesticiрованных лошадей, которые показаны вместе с быками. Наверное, и в рисунках других животных, изображенных уже с поводом или уздой (табл. IV - 14; табл. V - 1-3, 5-7, 13), небольшим вьюком? на спине (табл. V - 16, 19), и даже с путами на ногах (табл. V - 4, 6-12, 15) следует видеть первых прирученных диких лошадей. Может быть, и в двух небольших композициях (Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D., fig. 718, 1107) запечатлены домашние лошади, которых держит на длинной привязи человек. Таким образом, в приведенных сюжетах, впервые зафиксирован важный момент - самый ранний этап использования лошадей в хозяйстве древнего населения Центральной Азии, в III-II тыс. до н.э.

Натурой древнему художнику послужили домашние и дикие лошади. Домашних животных можно различить в сценах хозяйственной жизни алтайских кочевников, диких лошадей в сценах охоты на них. Последние сюжеты можно интерпретировать и как инсценировку ритуального убийства: жертвоприношение лошади при обрядах поклонения предкам или высшим божествам, при заключении клятвенных договоров и т.п. Подобная практика была широко распространена у многих азиатских кочевых народов, а лошадь всегда числилась первой среди других жертвенных животных. Лошадь, очевидно, также являлась не только культовым, но и тотемным животным древних монголов, о чем свидетельствует “...тот факт, что среди киданей было одно из племен, носивших имя Морин - лошадь” (Викторова Л.Л., 1980, с.150). Древние тотемистические представления

монголов, связанные с конем или лошастью послужили основой для более поздних мифов и легенд о Небесном Конне (Хий Морь). Он часто фигурирует в монгольском эпосе о Гэсэре, являясь посредником между героем и духами предков, общеплеменными божествами, и даже ассоциируется с самим Вечным, Синим Небом. Надо полагать, что многие идеологические представления о лошади зародились, очевидно, уже сразу после ее приручения и использования в качестве тяглового средства и для верховой езды. Это произошло в Центральной Азии, возможно, уже в конце IV тыс. до н.э., хотя прямых и достоверных свидетельств domestikации дикой лошади в этом регионе пока неизвестно. Но есть косвенные данные, позволяющие предположить, что лошадь наряду с быками уже использовалась в хозяйстве полукочевых племен ранней бронзы, относимых к афанасьевской, окуневской и каракольской культурам Сибири. Так в афанасьевском могильнике Бике I, раскопанном в долине р. Катунь (Российский Алтай), в специально сооруженных ямах с каменной выкладкой найдены захоронения трех черепов лошадей (Кубарев В.Д. и др., 1990, рис.21-24). Учитывая тот факт, что они были обнаружены в кострище вместе с фрагментами керамической посуды и рядом с насыпью афанасьевского кургана, можно сделать вывод о проведении поминального обряда уже в начале III тысячелетия до н.э. Возможно, здесь отмечен самый ранний на Алтае случай использования лошади в качестве жертвенного животного.

Поздней бронзой и раннескифским временем, в изученном нами комплексе, датируется относительно реалистические рисунки (табл. II - 14, 15; табл. IV - 17, 18; табл. V - 14, 17, 18, 20, 21; табл. VI - 15-19, 21) и небольшое число вычурных, стилизованных изображений лошадей (коней) (табл. IV - 11-16; табл. VI - 1-12, 20). Они отдаленно напоминают рисунки лошадей на оленных камнях и на рукоятках карасукских бронзовых кинжалов и ножей. Редким элементом отдельных рисунков лошадей является изображение гривы в виде чередующихся зубцов (табл. III - 1, 4, 6, 9). Такая отличительная особенность (выстриженная грива?) наблюдается преимущественно у домашних лошадей (табл. V - 3, 4, 8, 16). Среди них выделяется группа грацильных и изящных фигурок лошадей, датируемых эпохой развитой и поздней бронзы. Они выдержаны в одном размере и стиле, обладая характерными изобразительными чертами: небольшой головой, короткими, направленными вперед ушами, длинным хвостом с шаровидным или петлевидным окончанием. Таким же приемом показаны и шаровидные копыта у отдельных фигурок коней и кобыл (табл. IV - 5, 8; табл. V, 14). Они, в основном, запряжены в колесницы и телеги (табл. VII - 5, 9, 10; табл. IX - 4, 5, 7, 9, 10, 18), а также присутствуют в сценах хозяйственной жизни (табл. X - 1). Но, основная масса изображений коней и лошадей в комплексе, как нам представляется, принадлежит диким особям, датируемым бронзовой эпохой и в меньшей мере ранним железным веком и древнетюркским временем (табл. II - 19; табл. VI - 13, 14).

В прямой связи с вопросом о времени приручения диких лошадей в Центральной Азии находится хронология изображений колесниц. В археологической литературе существуют разные определения этого вида колесного транспорта. Обращая внимание на различия в конструкции, их, называют повозками, двуколками, колесницами и телегами. Обычно исследователи различают две проекции в рисунках колесниц: плановую и профильную (по Шеру Я.А., 1980, с.202). Вышедшая 10 лет назад, сводка изображений повозок Средней и Центральной Азии, показала, как сложны проблемы, связанные с происхождением и эволюцией колесного транспорта во времени и пространстве (Новоженков В.А., 1994). В работе учтено, описано и проанализировано свыше 600 изображений повозок из различных регионов Евразии и Африки. Кроме того, В.А. Новоженковым был составлен наиболее полный реестр колесниц и повозок Южной Сибири, Тувы, Алтая и Монголии

(1994, с.19). Всего зафиксировано около 350 изображений. В настоящее время этот список может быть расширен, благодаря нашим работам в Монгольском Алтае. Так в упомянутом комплексе петроглифов найдены рисунки одноосных колесниц и значительно реже рисунки телег (табл. VII - X). Общее число, приводимых в данной работе изображений колесниц и телег, составляет 48 экз. Но их на этом памятнике значительно больше. Например, только на одном камне с участка Цагаан-Салаа-III, нанесено 13 миниатюрных колесниц, скопировать которые не удалось ввиду их плохой сохранности. Еще совсем недавно, почти столько же рисунков (50) было известно на всей территории Монголии (Новгородова Э.А., 1989, с.42). При исследовании петроглифов Монгольского Алтая, только в одном пункте у горы Шивээт-Хайрхан (Цэнгэл сомон) нашей экспедицией открыто еще более 30 колесниц, которые в самое ближайшее время будут опубликованы. Подобные скопления рисунков колесниц (15) известны также в среднем течении р. Чулуут (Волков В.В., 1982, с.503). Колесницы, как правило, разнотипны по конструкции, но нанесены в короткий промежуток времени. Пока не удастся объяснить, почему одни колесницы так плотно сконцентрированы на одном камне или на одной каменной плоскости, - другие изображались одиночно или парами.

Значительное число рисунков колесниц в исследованном нами комплексе представлено одиночными изображениями и очень редко парами. Колесницы чаще всего сочетаются с изображениями оленей (табл. VII - 9; табл. VIII - 11; табл. X - 2). На втором месте по значимости идет образ лошади и козла. Гораздо реже колесницы встречаются вместе с рисунками быков, собак-волков и всадников. Всего три случая известно, когда по одной колеснице включены в большие композиции с рисунками птиц, оленей, лошадей, кабанов, козлов, собак, вьючного быка и женщин (табл. X - 1, 2). Нет никакого сомнения, в том, что все они выполнены в одно время и в один прием, и взаимосвязаны мифологическим повествованием, но пока невозможно расшифровать и интерпретировать подобные сцены. Следует только отметить, что в них, как и в более древних сюжетах, дикие животные находятся рядом с домашними. В эпоху ранней бронзы это были в основном одомашненные быки, в сценах, датируемых поздним бронзовым веком, уже доминируют лошади. Причем, и в других камерных сценках, расположенных, совсем рядом, с упомянутыми композициями, лошадям также отведена главная роль. Хорошо заметно, что размеры и пропорции фигур всех лошадей в этой группе петроглифов, совершенно одинаковы, а изображение животных спинами друг к другу (как на колесницах) заставляет думать, что лошади упряжные (Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D., fig.983, 986). К тому же, в одной из "конюшен", лошади показаны, как бы наполовину впряженными. В этом рисунке присутствует прямое дышло с поперечной переключиной, но самой колесницы нет (Там же, fig.983). Они явно одновременны изображениям отдельных колесниц, особенно тех, в которые впряжены очень изящные и грацильные, возможно, высокопородные кони. Их выделяют и объединяют в одну группу, не только маленькие "сухие" головки и длинные тонкие ноги, но и оригинальное оформление копыт в виде шариков (табл. VII - 5, 9, 10; табл. IX - 4, 5, 7, 9, 10, 18; табл. X - 1). Лошади, впряженные в других колесницах, стилизованы в разной степени, но преобладают небрежно выполненные схематические фигуры, в которых иногда невозможно опознать вид животного.

Примерно третья часть колесниц передана с колесами, выполненными сплошной выбивкой (табл. VII). Они различаются диаметром (от 2 до 10 см.) и может быть, таким приемом передают одночастные дисковидные колеса. Одни исследователи считают их наиболее архаичной деталью в конструкции первых колесниц, другие полагают, что традиция изготовления подобных колес сохранялась до этнографического времени. В наших копиях рисунков древних транспортных средств дисковидные колеса показаны на разных типах колесниц и телег. Они, конечно, представляются разновременными и

встречаются как на примитивных изображениях только одиночных колесниц и телег, так и на рисунках с подробной передачей конструктивных особенностей колесниц, присутствием или отсутствием. На другой таблице, под номером VIII, собраны одноосные колесницы, на которых отсутствует возничий. Колеса на них изображены со спицами, число которых варьирует от 4 до 16. Здесь же помещены рисунки колесниц с колесами в виде колец, внутри которых, выбиты отдельные точки или глубокие лунки (табл. VIII - 1, 2, 6, 9, 13). Идентичный графический элемент характерен также для целого ряда солярных знаков, найденных на этом же памятнике. Как известно солнечное светило у многих древних народов также часто изображалось в виде круга или колеса, а сами колесницы олицетворялись со всем космосом и с движением солнца по небосводу. Присутствуют такие символы и на многих петроглифических комплексах из Монгольского Алтая, где колесо нередко сочетается с колесницей и лошадью. Подобная пиктограмма есть и на участке Бага-Ойгур I (табл. VIII - 14). Здесь же встречаются отдельные знаки в виде колеса и в контексте с изображениями других, священных в древности, животных.

Естественные природные углубления на каменных поверхностях, называемые специалистами лунковыми каррами, всегда привлекали внимание исполнителей древних рисунков. В комплексе они часто служили отправной точкой или даже обязательным элементом для создания нового рисунка. Следы подобных действий, например, зафиксированы на рисунках миниатюрных фигурок оленей, где естественные и глубокие лунки обозначали их туловища. На рисунках лошадей естественные лунки были использованы для изображения кончика хвостов (табл. I - 12; табл. III - 9). В двух других изображениях лошадей лунки находящиеся, над их спинами, соединены выбитой чертой с туловищем животных (см. табл. V - 6, 7). В семантическом плане такие лунки, несомненно, близки по смыслу искусственным чашечным углублениям, интерпретируемым, как древнейшие символы плодородия. Подобная традиция использования естественных лунок была известна и популярна также в Калбак-Таше (Kubarev V., Jacobson E., 1996, fig.59, 206, 211, 328), да и в других, синхронных петроглифических памятниках бронзовой эпохи Алтая.

В таблицу номер IX включены рисунки колесниц с возничим. Изображения мужчин схематичны, но на нескольких фигурках различимы: грибовидные головные уборы (табл. IX - 3, 5) фаллос и даже уши? (табл. IX - 7, 8); а также оружие - палицы и луки (табл. IX - 2, 4, 6, 10). Один человек стоит на платформе с двумя вертикальными стержнями, имеющими на верхнем конце кольцевидные фигуры (табл. IX - 11). Назначение их неизвестно. Другой возничий, наверное, поймал или удерживает арканом "запасную" лошадь (табл. IV - 18). Уникальной, впервые найденной в Монголии, да и, наверное, во всей Центральной Азии, следует назвать колесницу, рисунок которой обнаружен на самом краю первой террасы участка Цагаан-Салаа-IV. В нем необычным и редким для азиатских колесниц является расположение возничего, как бы стоящего на земле, а не на платформе колесницы (табл. X - 2). Сходный изобразительный прием применялся на рисунках колесниц в горах Памира и Кавказа (Караханян Г.О., Сафян П.Г., 1970, рис.223 - 1; Шер Я.А., 1980, рис.20; Новгородова Э.А., 1984, рис.24). Одно изображение колесницы с подобным расположением возничего известно и в наскальных изображениях Узбекистана (Хужаназаров М., 1995, рис.45, 3). Значит ли это, что происхождение монгольской колесницы связано с культурными традициями указанных регионов? Не отвергая такие отдаленные аналогии, следует обратить внимание на то, что в небольшой композиции с колесницей присутствуют и другие персонажи, датируемые ранней или развитой бронзой. Прежде всего, надо назвать рисунки мужчин (в профиль) и женщин (анфас), одна из которых показана в позе роженицы - сюжет, достаточно

распространенный в монгольских и сибирских петроглифах. Вполне традиционным персонажем является и олень с древовидными рогами. Его фантастический облик (огромный фаллос и длинный пышный хвост), а также фигурка женщины на его спине, возможно, передают средствами изобразительного языка фрагмент мифа о священном браке матери-прародительницы с тотемным животным. Расположение погонщика или возницы позади колесницы очевидно можно объяснить тем, что “никто из людей не мог подниматься на сиденье этой колесницы” [Геродот VII, 40] (цит. по книге Шера Я.А., 1980, с. 286). Итак, в редком сочетании западной манеры исполнения колесницы и архаичных образов местных верований и культов наблюдается своеобразный симбиоз культурных традиций мигрантов и аборигенного населения Монгольского Алтая.

Аналогичные типы колесниц в большом числе воспроизведены на петроглифических памятниках Кавказа, Средней и Центральной Азии. Колесницы открыты и в разных районах Внутренней Монголии. Они, как и в Монгольском Алтае изображались на каменной плоскости по одной, редко парами (Гай Шанлинь, 1986, №№70, 485, 1096; 1989, №№231, 514, 992, 1251, 1252). По мнению Э.А. Новгородовой “...в Монголии появление колесниц связано с карасукской, а в Туве - с окуневской культурами” (1984, с.77). Около 30 колесниц, в настоящее время, известно в Туве. М.А. Дэвлет считает, что легкие двухколесные конные упряжки появляются на Среднем Енисее только во второй половине II тыс. до н.э., т.е. в карасукскую эпоху (1998, с. 183). Но самыми ближайшими (по иконографии и хронологии) параллелями монгольским рисункам являются изображения колесниц из высокогорной Чуйской котловины российской части Алтая. В научной среде наиболее хорошо известен памятник, расположенный в долине р. Елангаш. Этот культурно-исторический комплекс формировался на протяжении многих веков, и даже тысячелетий, испытывая воздействие самых различных культур и этносов. Петроглифы сосредоточены на огромных каменных возвышениях, над которыми нависают еще более массивные хребты, лишенные леса и покрытые снегом в любое время года. Самые информативные наскальные изображения находятся в верховьях реки, берущей начало с ледников Южно-Чуйского хребта. Они были открыты в 1972 г., при проведении археологической разведки в Юго-Восточном Алтае (Кубарев В.Д., 1980, с.82), хотя работы в долине Елангаш были начаты еще в 1969 г. (Окладников А.П. и др., 1979, с.8). В устье ручья Турай, впадающего справа в р. Елангаш (высота 2500 м над ур. моря), на заглаженных ледником коренных выходах, сконцентрированы петроглифы эпохи бронзы. Среди них также отмечены скопления рисунков колесниц (например, до 9 шт. на одной плоскости), быков, оленей, лошадей, козлов, верблюдов и всадников. Всего в долине Елангаша, по нашим подсчетам, зафиксировано более 80 колесниц. Они, практически не отличаются от монгольских, как по конструкции, манере и технике исполнения, так и вхождением их в композиции, близких в содержательной части сюжетов. Выявлена и определенная закономерность (частое сочетание колесниц с оленями, имеющими древовидные рога, с быками или лошадьми), позволяющая датировать многие колесницы эпохой развитой бронзы. Для подтверждения наших выводов можно привлечь материалы еще одного алтайского памятника Калбак-Таш, находящегося в приустьевой части р. Чуи. Здесь найдено 23 колесницы, также идентичных, по всем параметрам, монгольским и алтайским изображениям пароконных упряжек.

Приведенные примеры и аналогии позволяют датировать рисунки колесниц и телег из комплекса Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур в широком временном диапазоне: начало II тыс. до н.э. - XIII-X вв. до н.э. Но, судя по изображениям колесниц, найденных на плитах из карасукских могильников Хакасии (Дэвлет М.А., 1998, с.183) и во многих случаях идентичных по иконографии монгольским, значительная часть их, очевидно, относится к позднебронзовой эпохе.

Литература

1. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. - М.: Наука, 1980. - 234 с.
2. Волков В.В. Археологические исследования в МНР // АО 1981 года. - М.: Наука, 1982. - С.503.
3. Дэвлет М.А. Петроглифы на дне саянского моря (гора Алды-Мозага). - М.: Памятники исторической мысли, 1998. - 288 с.
4. Караханян Г.О., Сафян П.Г. Наскальные изображения Сюника. - Ереван: АН Арм. ССР, 1970. - 44 с. - 342 илл.
5. Кубарев В.Д. Разведки и раскопки на Алтае// АО 1979 года.-М.:Наука,1980.-С.212-213.
6. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. - Новосибирск, 1990. - С.43-95.
7. Кубарев В.Д. Образ быка в петроглифах Алтая // Первобытная археология. Человек и искусство. Сб. научн. трудов посвящен. 70-летию Я.А. Шера. - Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2002. - С.48-53.
8. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. - М.: Наука, 1984. - 168 с.
9. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. - М.: Наука, 1989. - 384 с.
10. Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. - Алматы.: Аргументы и факты, 1994. - 267 с.
11. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш. - Новосибирск: Наука, 1979. - 137 с.
12. Советова О.С., Миклашевич Е.А. [Рецензия] // Вестник САИПИ. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. - Вып.5. - С.37-39 - Рец. На кн.: Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. - Paris: De Boccard, 2001. - T.V. - fasc. сб. - 481 pp. - 15 map.- 399 pl.
13. Хужаназаров М. Наскальные изображения Ходжекента и Каракияся. - Самарканд: 1995. - 177 с.
14. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М.: Наука, 1980. - 328 с.
15. Гай Шанлинь. Иньшань яньхуа (Петроглифы гор Иньшань). - Пекин: Вэньу, 1986. - 441 с. (На кит. яз.).
16. Гай Шанлинь. Уланчабу яньхуа (Петроглифы степи Уланчаб). - Пекин: Вэньу, 1989. - 355 с. (На кит. яз.).
17. Kubarev V.D., Jacobson E., Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. - Paris: De Boccard, 1996. - T. V.3 - fasc. с3. - 23 + 45 pp. - 15 pl. - 662 fig.
18. Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. - Paris: De Boccard, 2001. - T.V. - fasc. сб. - 481 pp. - 15 map. - 399 pl.

Список иллюстраций к статье Кубарева В.Д.

- Табл. I. Изображения лошадей в контурной технике.
Табл. II. Изображения лошадей в контурной и силуэтной технике.
Табл. III. Изображения лошадей в контурной и силуэтной технике.
Табл. IV. Изображения лошадей в силуэтной технике.
Табл. V. Изображения одомашненных лошадей в контурной и силуэтной технике.
Табл. VI. Изображения стилизованных лошадей.
Табл. VII. Изображения колесниц, телег с колесами, выполненными сплошной выбивкой.
Табл. VIII. Изображения разнотипных колесниц без возницы.

Табл. IX. Изображения одноосных колесниц с возницей.

Табл. X. Изображения колесниц в контексте композиций мифологического содержания.

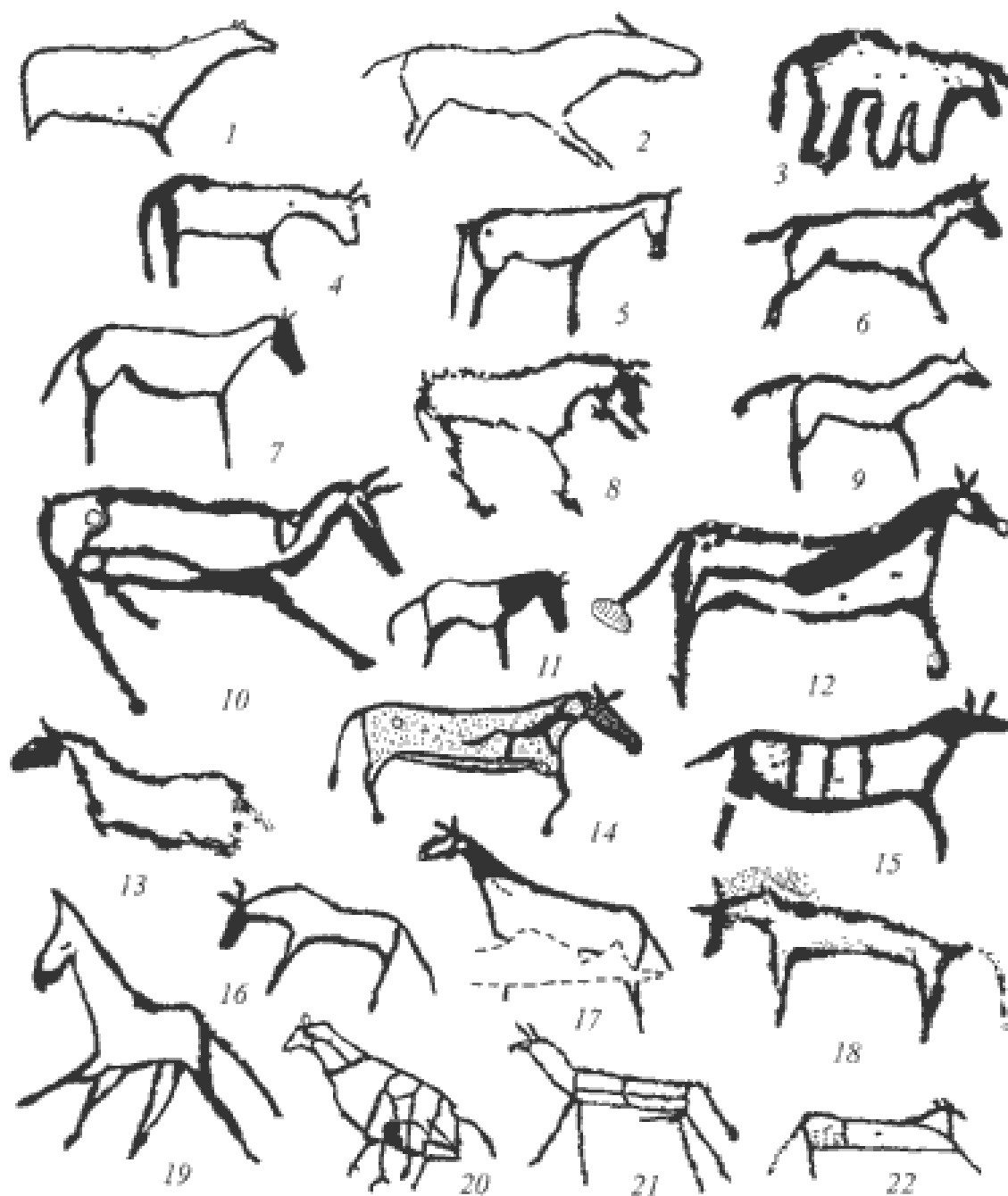

Табл. I

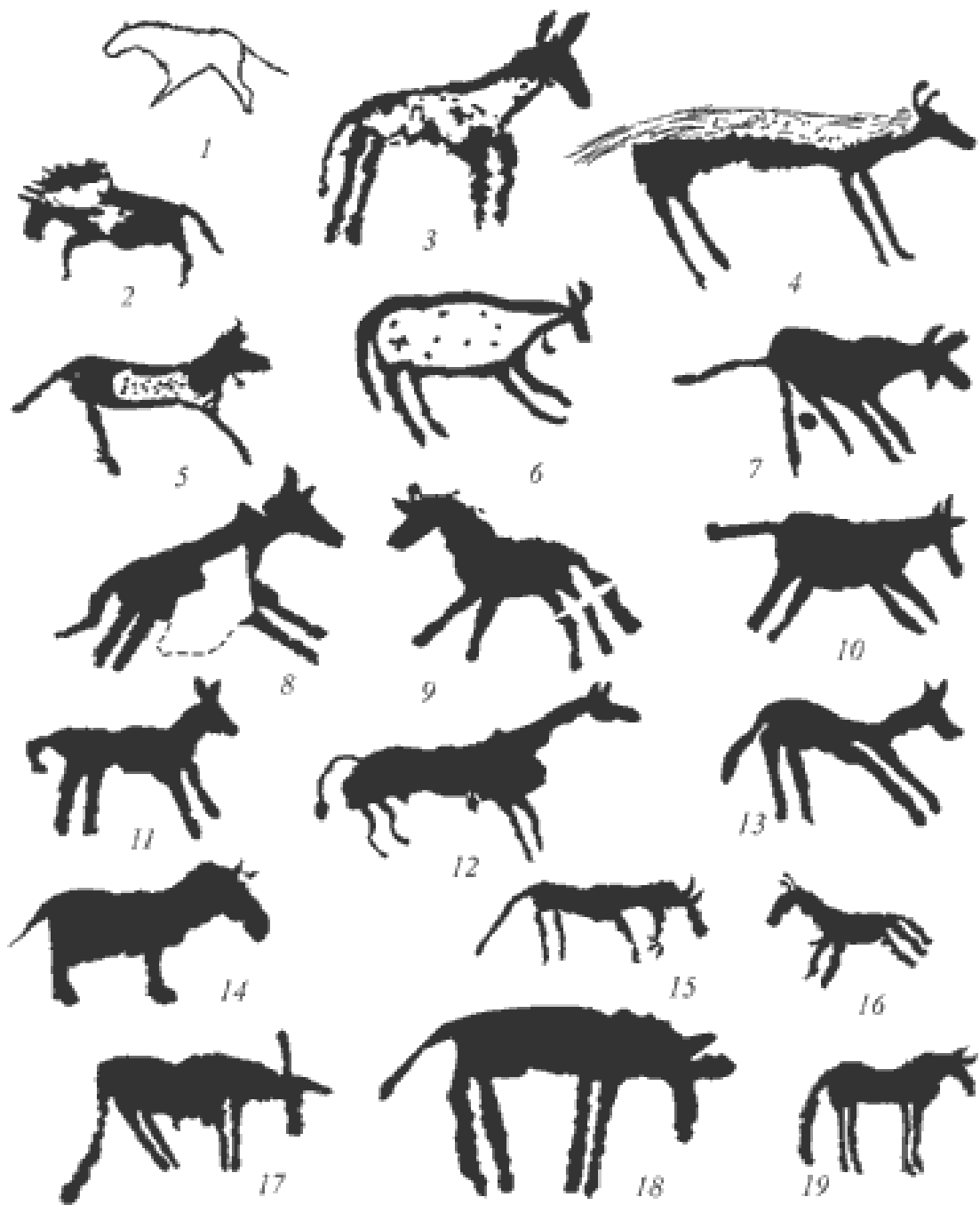

Табл. II

Табл. III

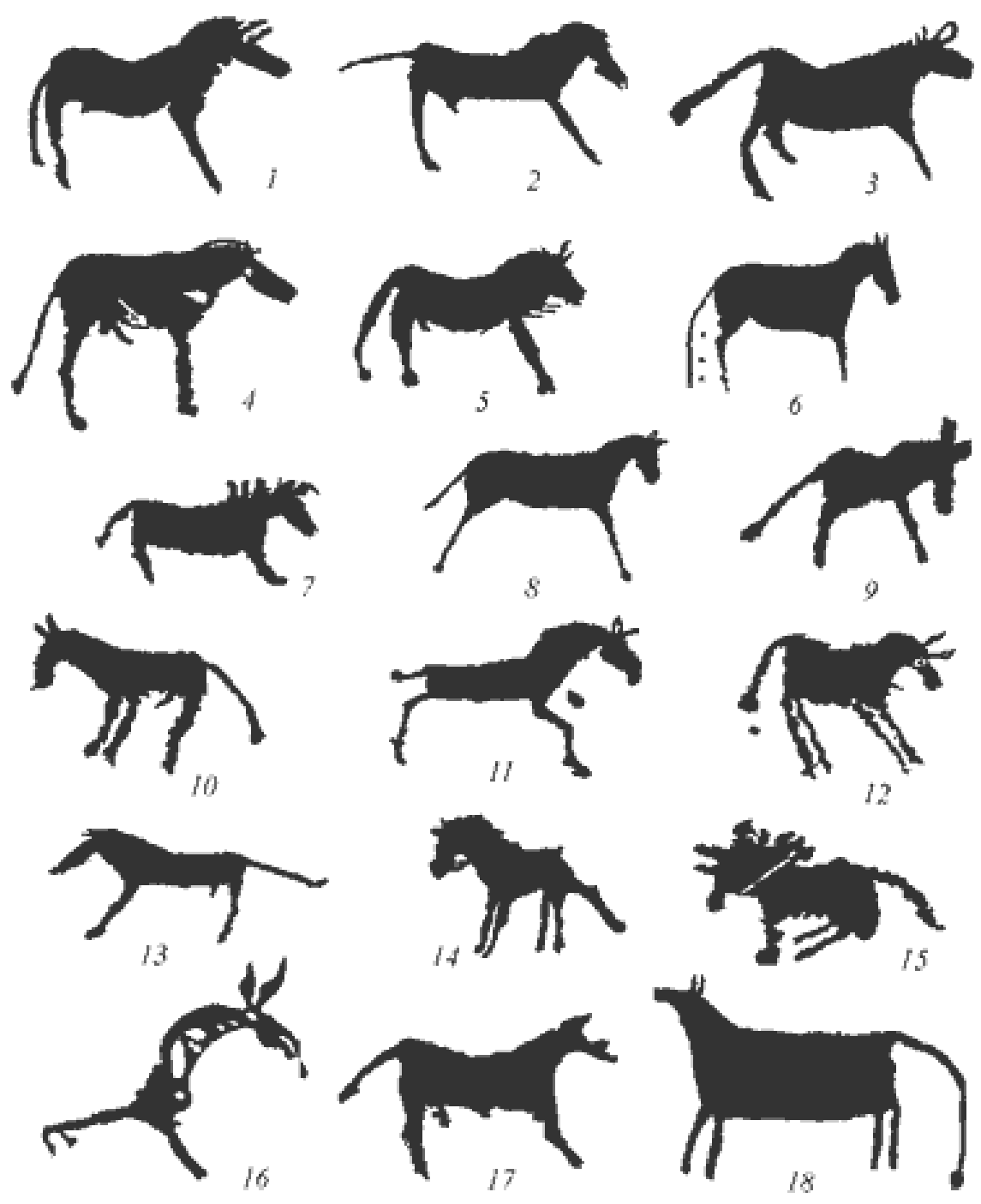

Табл. IV

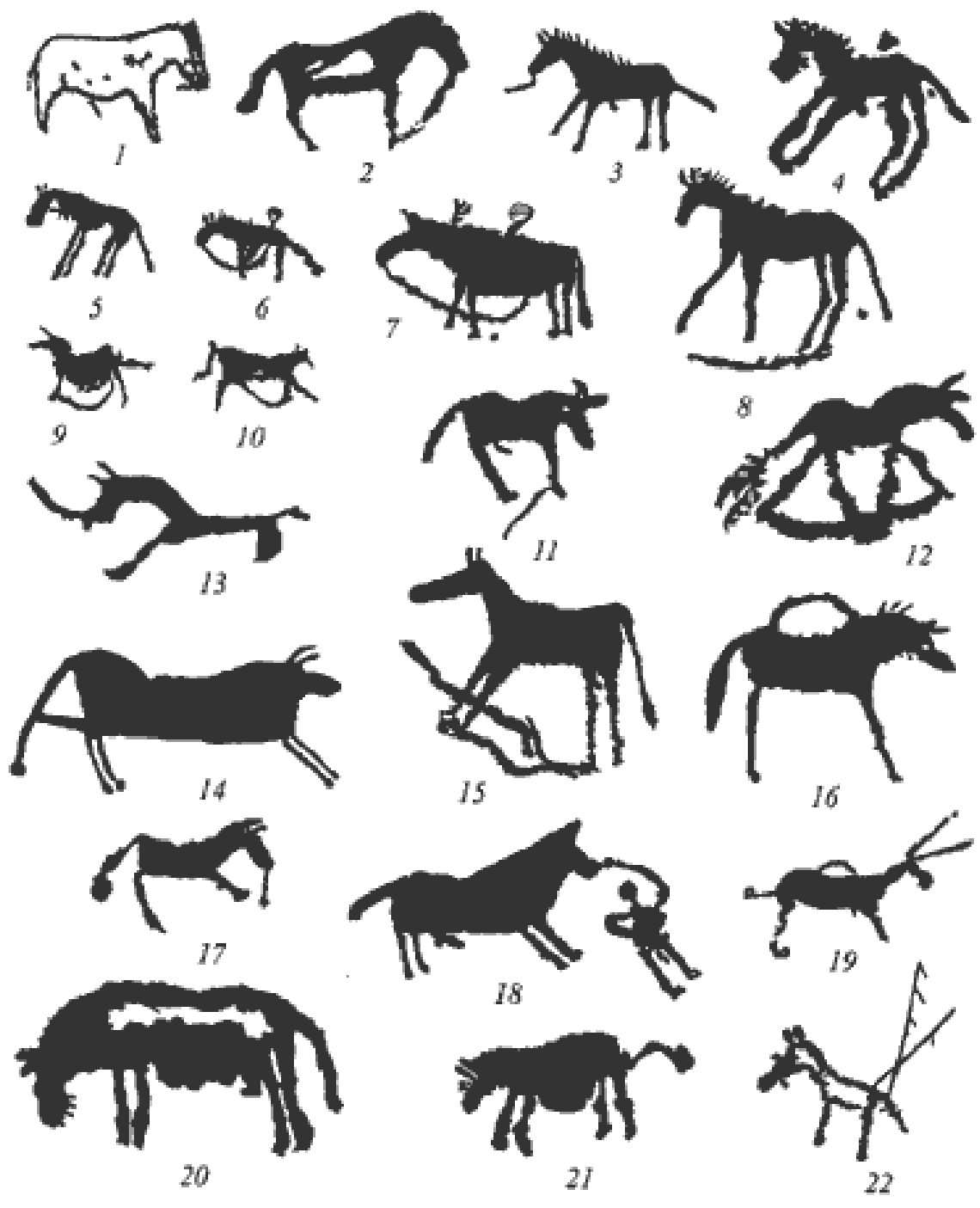

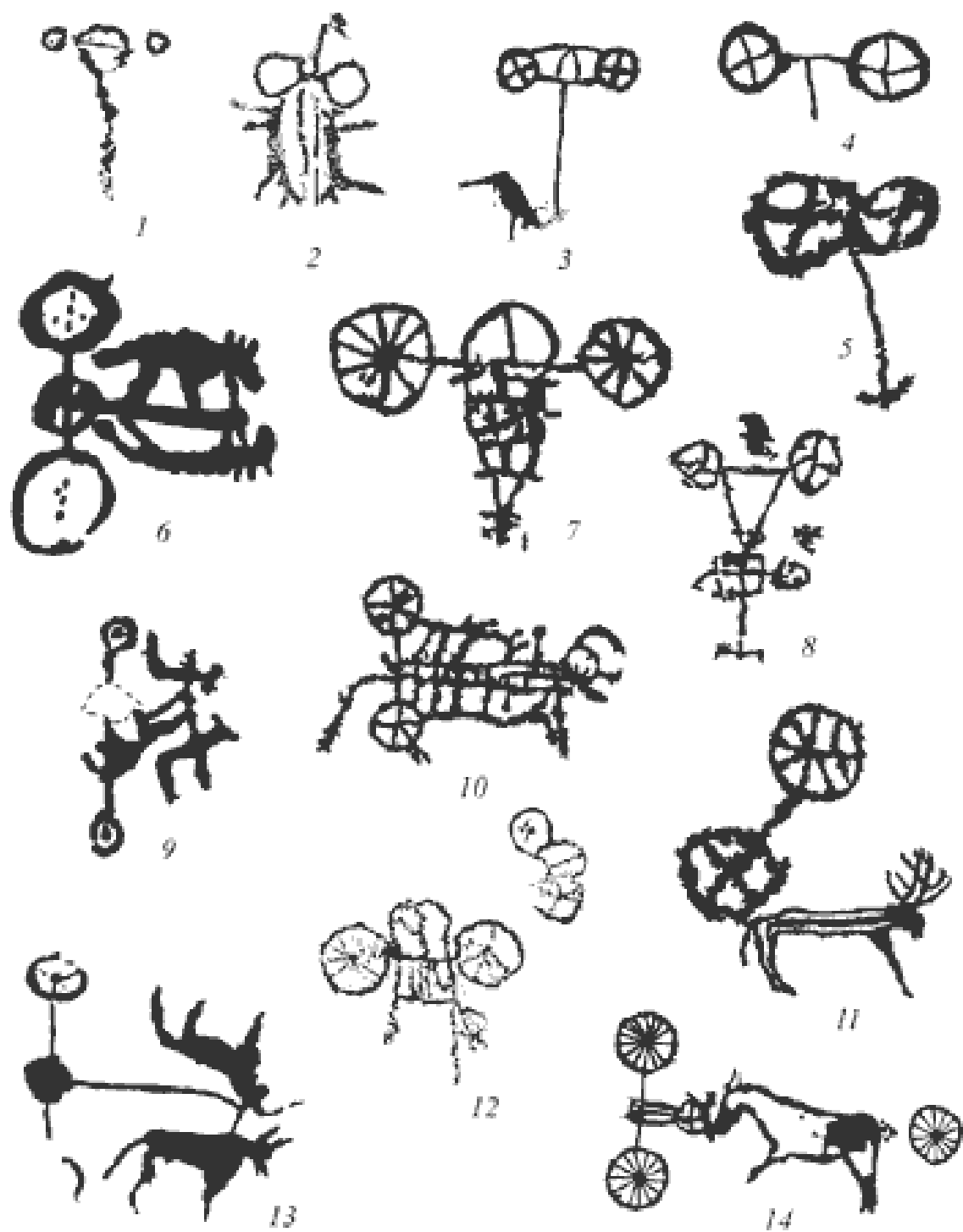
Табл.V

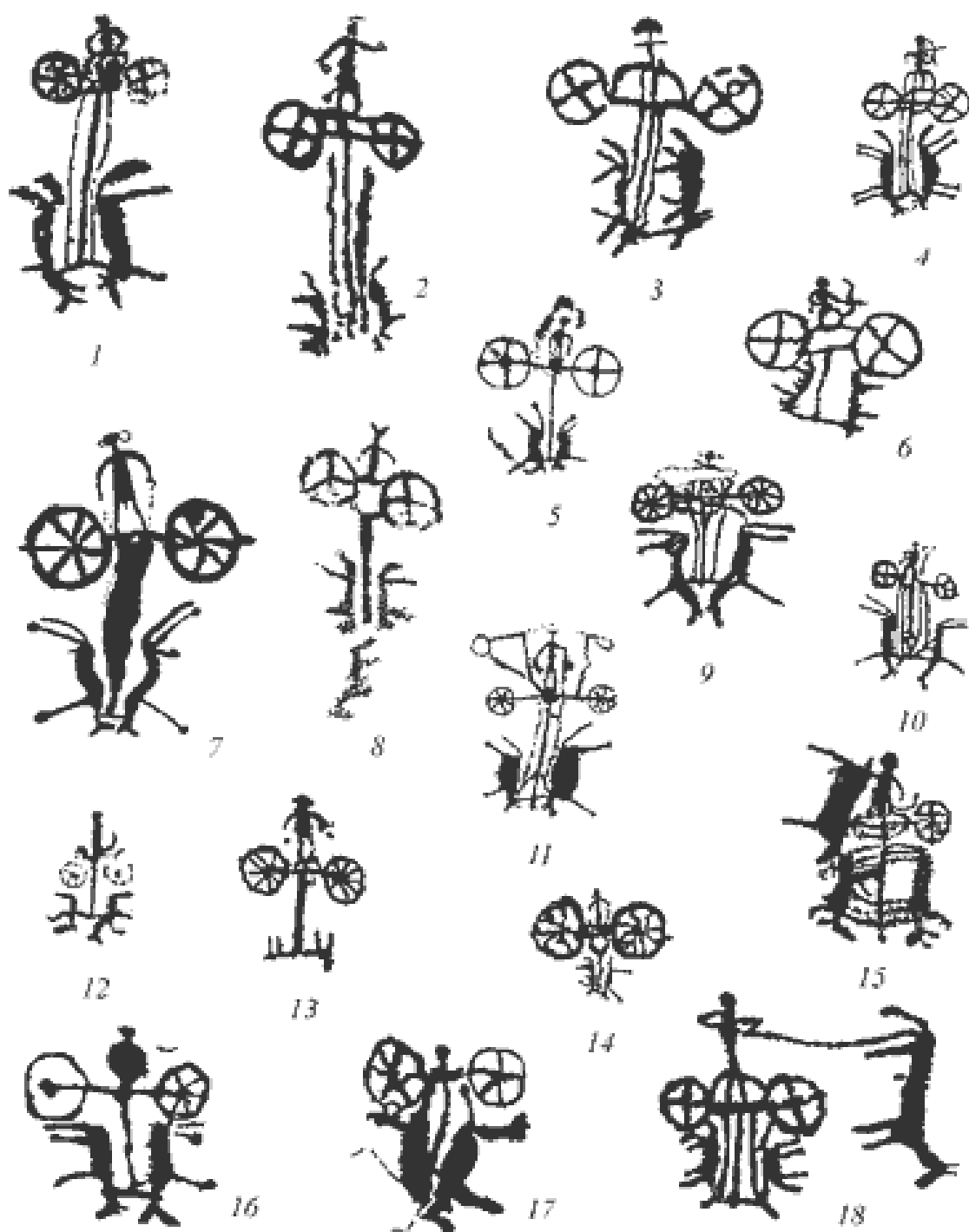
Таба.VI

Табл. VII

Таба.VIII

Та6н.IX

Табл. X